

© 2010 г.

Петр Ореховский

доктор экономических наук, профессор
зав. кафедрой экономики и управления ГОУ ДПО Международная академия
современного знания (Обнинск)
(orekhovsky@masz.obninsk.ru)

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Работа посвящена анализу связи понятий «демократии» и «модернизации». Выдвигается положение, что демократия реализует себя в разных формах политического устройства, общим в которых является только электоральный механизм. Само же демократическое устройство может быть как либеральным, так и тоталитарным.

В свою очередь, модернизация рассматривается как процесс обновления социальной структуры общества, основанный на борьбе и сотрудничестве элит. Авторитарное демократическое устройство, основанное на легальном закреплении привилегий, способствует возникновению патта элит. В этом случае становятся возможным лишь частичные технократические улучшения. Напротив, крупные инновации, которые неизбежно ведут к перераспределению власти, блокируются элитами.

Ключевые слова: демократия, легитимность, партизаны, модернизация, инновации, элиты, пат.

Под эпохой модерна часто понимают просто Новое время – время победившего капитализма и демократического политического устройства. С тех пор Запад живёт в состоянии постоянной модернизации, а другие страны, воспринимающие этот образец, вынуждены осуществлять модернизацию. Последнее обстоятельство ставит проблему соотношения понятий «демократии» и «модернизации». Если страна является демократическим государством, этого достаточно для модернизации? Или требуются какие-то дополнительные усилия со стороны политической элиты? А если без этих усилий модернизация не происходит, то не означает ли такая ситуация какого-то особого, ущербного демократического устройства, блокирующего инновации? Этим проблемам посвящена данная работа.

Суверенная демократия и её партизаны. Начнём с данных недавнего социологического опроса, проведённого Аналитическим центром Юрия Левады¹. «43% россиян, "скорее, не чувствуют" себя защищенными от возможного произвола властей, милиции, ГИБДД, налоговиков, судов, прочих госструктур. "Определенно не чувствуют" – 28%». Другими словами, 71% жителей России полагают, что государство в отношении них может допустить всё что угодно безо всякого на то основания, – именно так следует понимать термин «произвол». Далее. «47% опрошенных, скорее, согласны с тем, что многие госчиновники сегодня практически не подчиняются законам. Определенно согласны с этим 35% россиян». То есть 72% выделяют госчиновников в особое сословие, для которого общие законы не писаны. Это логично вытекает из первой цифры – действительно, иначе кто же будет все эти безобразия учинять.

Но чиновники не с неба свалились, у рядового гражданина с ними могут быть как родственные, так и дружеские связи. Используя их, можно попытаться добиться справедливости. «38% участников опроса "скорее не могут" отстоять в России свои интересы или права в случае их нарушения. "Определенно нет", не могут – 23%». То есть в сумме 61%. Что, естественно, вызывает вопрос о том, насколько справедлива наша судебная система. «Если суд будет рассматривать дело простого гражданина против представителя власти, то решение "скорее будет вынесено не в пользу гражданина, независимо от того, кто прав на самом деле" – так думают 37% респондентов. "В любом случае в пользу представителя власти, независимо от того, кто прав на самом деле" – 26%. "В пользу того, кто даст большую взятку судье, независимо от того, кто прав на самом деле" – 17%. "По справедливости, в соответствии с законом" – 11%». Другими словами, в справедливость вердикта суда у нас верят 11% населения.

Как может существовать такое государство, где большинство граждан уверено в его несправедливости? Налицо разница между легальностью и легитимностью. Государство как форма политической организации общества оформлено Конституцией, законами, другими юридическими актами (в этом смысле любое государство – всегда правовое), деятельность государства, осуществляемая в соответствии с законами – легальна. Но если «закон что дышло», то такая деятельность может быть несправедлива, с ней может быть не согласно большинство граждан. И тогда государство, сохраняя легальность, теряет легитимность.

Оговоримся, что легитимность – понятие сложное, многозначное. Она, например, есть внешняя и внутренняя – ельцинская Россия была

¹ <http://www.polit.ru/news/2010/06/25/levaproizvol.htm>. См. также развёрнутый отчёт: <http://www.polit.ru/research/2010/06/29/proizvol.htm>.

вполне легитимна для западных партнёров, а для собственных граждан, судя по данным опросов, – нет. Иранское государство легитимно для собственного населения, но не вполне признаётся «мировым сообществом», именно в этом случае и возникает ситуация «суверенной демократии». Другие страны признают суверенитет Ирана, но к легитимности его правителей «есть вопросы». К сожалению, это касается и России.

Граждане страны, признающие легальность действующего порядка, но отрицающие его легитимность, по мнению К. Шмитта, – партизаны¹. В случае радикального политического противостояния, крайней вражды, они рассматривают власти как «оккупантов» и переходят к террору. После этого к ним уже становятся неприменимы легальные нормы политики, в т.ч. – правил военных действий и обращения с военнопленными, отсюда – взаимный захват заложников: с одной стороны, среди «оккупантов», с другой – среди гражданского населения, карательные операции и прочее. У партизан нет гражданских прав уже в силу того, что сами они отрицают права, определённые в рамках нелегитимного государства.

В этой связи далеко неоднозначной выглядит и позиция защитников прав таких партизан. Если легальные власти страны являются нелегитимными, то неизбежна апелляция через их голову к «мировому сообществу», которое, таким образом, получает санкцию на вооружённое вмешательство в любой точке земного шара. Это противоречие между национальным суверенитетом и «правами человека» является объективным в сегодняшней мировой демократической системе и разрешается, вообще говоря, с помощью силы (политической, экономической, военной).

Принципиальная разница между партизанами и правозащитниками заключается не в их отношении к насилию (из недавних примеров можно вспомнить, как правозащитное сообщество приветствовало бомбёжки Югославии и Ирака), но в источниках легитимности. Легитимность партизан лежит в «местной почве», в местных обычаях и ценностях, которые они защищают. Последнее обуславливает поддержку партизан гражданским населением, без которой их деятельность становится невозможной. Напротив, источник легитимности правозащитной деятельности зачастую находится вне той страны, правовой порядок которой считается несправедливым. Естественно, что в таком случае их деятельность поддерживается не только группами людей с одинаковыми политическими ценностями, но и мировыми державами, заинтересованными в дестабилизации правового порядка в государствах, которые эти державы не рассматривают как своих союзников или сателлитов.

¹ Шмитт К. Теория партизана. – М.: Праксис, 2007.

Другая, «мягкая» форма партизанских действий – коррупция. Граждане предпочитают платить чиновникам за то, чтобы не соблюдать законы нелегитимного государства, заодно будучи уверены, что и сами чиновники их не соблюдают. В результате коррупции в каждой местности формируется свой, особый правовой порядок, существенно отличающийся от явного, легального. Такой порядок основан на консенсусе местных элит и уже в силу этого является гибким и стабильным. В городах и регионах, где действуют институты, устанавливающие «цену вопроса», участникам консенсуса не нужно открытое политическое противостояние, партизаны и правозащитники им только мешают. Провинциальные демократы и борцы с коррупцией маргинализируются и за глаза получают статус «городских сумасшедших». Несмотря на то, что они отстаивают официальные нормы федерального законодательства, в глазах местного общества их деятельность становится иррационально разрушительной, к ним формируется амбивалентное отношение.

Столичная реальность сильно отличается от провинциальной, в связи с чем тезис об амбивалентности нуждается хотя бы в кратких пояснениях. Например, за пределами Московской области и узких гравитационных зон притяжения региональных столиц с коттеджными посёлками, в большинстве сельских поселений износ инженерных сетей составляет 80-100%. Монтировались последние в колхозные времена, от них остались в лучшем случае схемы закладки этих сетей. Поэтому для подготовки тендерной документации необходима геодезическая съёмка и составление подетальной планировки такого села, что обойдётся дороже, чем сами ремонтные работы. Но оплатить ремонт непосредственно подрядчику без проведения тендера муниципалитету нельзя, так как это – коррупция и запрещено законом ФЗ-94, в соответствии с которым без торгов одинаково невозможно построить мост через Обь или закупить несколько авторучек.

Степень дотационности бюджетов муниципалитетов с численностью до 100 тыс. человек составляет, как правило, свыше 80%. Увеличение собственной доходной базы приводит к снижению дотаций при сохранении прежнего уровня бюджетных расходов на душу населения. Вдобавок полная уплата налогов сильно подрывает возможности развития местного предпринимательства. Поэтому с ведома и согласия местных властей в районах идёт неподотчётная налоговым органам и статистике, но бурная хозяйственная жизнь. Естественно, что вмешательство «борцов с коррупцией», отстаивающих в первом случае нормы ФЗ-94, во втором – правоту Налогового кодекса ведёт, наряду с торжеством закона, к коллапсу такой жизни.

Наряду с вышеописанными ситуациями существуют и острые проблемы сохранения памятников, экологии, защиты от милицейского про-

извола, которые пытается решать на местах указанная социальная группа. Однако в этих случаях их действия получают одобрение местного сообщества. Так и формируется амбивалентность, мешающая как полностью игнорировать «этих демократов», так и считать их своими. Получается, что местная власть, «решающая вопросы» граждан, оказывается понятнее и ближе, чем люди, полагающие, что они отстаивают права населения.

Но если действующая власть оказывается нелегитимной, то почему избиратели на выборах голосуют за тех лидеров, которые сохраняют прежнюю систему? Возникает парадокс – получается, что на выборах граждане подтверждают легитимность власти тех чиновников, которыми сами же и недовольны. Чем это объясняется?

Миф о политическом рынке. Обыватель редко анализирует форму политического устройства общества. Вместо этого он верит – в доброго царя, социализм и коммунистическую партию, демократию или что-то ещё. Эта вера основывается на мифе – внешне правдоподобной конструкции, принимаемой аксиоматически, без доказательств. Люди поступают в соответствии с логикой мифа – и их поступки укрепляют действенность мифа, а получение полезных результатов снимает вопрос об истинности посылок, лежащих в основе их веры. Напротив, разочарование результатами действий разрушает миф – при этом он не опровергается критикой посылок, лежащих в основе мифа, он именно отбрасывается общественным сознанием вследствие своей непригодности для жизни и забывается.

Представление о демократии как о политическом рынке достаточно прочно устоялось не только в обыденном сознании, но и в экономической теории. С лёгкой руки Й. Шумпетера схема выглядит так, что голосуя, мы выбираем «лучших». Как на рынке за самый качественный и редкий товар платят наивысшую цену, так на выборах лучшие представители народа получают максимальное количество голосов. Модель демократии как эффективно работающего рынка включает в себя следующие взаимосвязанные основные положения:

1. Все субъекты, принимающие участие в голосовании, хотят одного и того же (роста доходов, безопасности, низких налогов и т.д.) – т.е. субъекты *однородны*.
2. Большинство голосов в правительство и парламент избираются те кандидаты, которые наиболее способны удовлетворить желания этого большинства.
3. Если деятельность политического руководства не удовлетворяет чаяниям большинства, то впоследствии таких деятелей можно будет заменить другими уже на следующих, очередных выборах.

Все эти положения представляются неверными с точки зрения социального анализа:

- (а) Все субъекты хотят разных вещей, и их желания могут быть прямо противоположны (одни приветствуют прогрессивное налогообложение и рост государственных расходов, другие заинтересованы в пропорциональном налогообложении и низких государственных издержках). Договориться между собой социальные субъекты не могут, реализация интересов осуществляется через политическую борьбу¹.
- (b) Большинства как такового в обществе не существует (это просто более слабая посылка однородности). Существует только коалиция меньшинств, которая на основе компромисса по определённому наиболее важному в данном месте и в данное время вопросу обеспечивает победу определённому кандидату. В дальнейшем становятся более важными другие вопросы, – и коалиция неизбежно распадается.
- (c) Политика выбирают (и выдвигают) не из «народа вообще», но из набора тех кандидатур, который может предложить электорату для голосования элита. В связи с этим замена одной персоны (или группы персон) на другую (других) либо ничего не меняет, либо может поменять ситуацию в худшую сторону.

Демократия – это один из механизмов селекции элит. Разница с другими аналогичными механизмами отбора в том, что в условиях монархии действует своего рода политическая монополия – абсолютная власть передаётся в рамках одного царствующего рода, в условиях олигархии правящая элита рекрутируется из нескольких родов. Чем ограниченнее, чем уже «политическое предложение», тем сильнее такая демократия напоминает монархию (авторитаризм) или олигархию. Напротив, чем шире круг социальных групп, которые имеют возможность претендовать на власть, тем больше это соответствует «идеалу демократии», формируя у обывателя ощущение, что он может «изменить власть».

В последние пять лет в России избирателю на выбор предлагается стандартизированный набор фигур, которые придерживаются примерно одинаковых взглядов на все проблемы общественной жизни. Это результат строительства «вертикали власти», консолидации господствующего класса, работы с бизнесом по регулированию финансирования политических партий, которая началась с «дела ЮКОСа». Их оппоненты – неважно, правые или левые – не имеют ни финансовых ресурсов, ни относи-

¹ Именно *борьбу*, а не *торг*: политика представляет собой деятельность по перераспределению власти (М. Вебер), и тот, кто отдал власть, не может получить взамен её *эквивалент*. В случае торго каждая из сторон обмена получает тот или иной товар (и соответствующую этому товару полезность); *торг* идёт вокруг *количества* этих обмениваемых товаров.

тельно значимых каналов коммуникации с избирателями. Их символический капитал разрушен: левых связывают с банкротством СССР, правых – с «лихими девяностыми». Фактически они маргинализированы.

Прямые выборы мэров и губернаторов, мажоритарные выборы депутатов, которые во многом выглядели анахронизмом с точки зрения западной политической культуры, в российских условиях имели ту ценность, что существенно расширяли политическое предложение. Их отмена привела не к укреплению партий и оживлению партийных дискуссий по основным проблемам общественной жизни, но к выталкиванию харизматичных фигур с нестандартными взглядами из легальной политики. В результате выбирают не лучших по Шумпетеру, а стараются сохранить знакомое зло, чтобы взамен не получить ещё большее. Отсюда – общероссийская уверенность в невозможности сколь-нибудь существенного изменения характера власти электоральным, демократическим путём, что и является ответом на вопрос предыдущего раздела. Однако какова перспектива развития такого общества, в котором легальность и легитимность расходятся всё дальше?

Тоталитаризм как высшая форма демократии. Усталость обывателя от «демократии», не оправдывающей его запросы на равенство всех перед законом, на защиту прав собственности, на предоставление качественных услуг в области образования, здравоохранения, культуры, приводит к тому, что он разочаровывается в первую очередь в выборных органах власти, в самих электоральных процедурах. Депутат в общественном сознании отождествляется с эгоистичным, коррумпированным политиканом, пекущимся только о благе своей семьи и большого бизнеса, который ему платит за получение в собственность государственных ресурсов. Он «ни за что не отвечает», в отличие от президента, премьера, губернатора.

Представим себе следующую политическую конструкцию «вертикали власти». Президент избирается всенародным голосованием (если очень хочется, можно избрать Земским собором, в который делегируются избиратели от разных социальных групп, и назвать такую политическую личность царём). Он формирует правительство, назначает первых лиц регионов и городов и непосредственно отвечает за результаты своей деятельности перед народом. Парламента и «дармоедов-депутатов» всех уровней нет. Вместо этого есть политическая партия (новые дворяне, аристократы, православное или исламское духовенство, etc.), которая в дополнение к стандартной отчётности контролирует исполнение решений президента на местах и через организационный аппарат информирует центр о том, как идут дела. Это – демократия? Да, конечно – как обычно, официально граждане имеют одинаковые права перед законом, место фюрера... простите, вождя не передаётся по наследству, как, впрочем, и другие места в

государственной элите. Заодно в такой демократической системе за ненужностью отменяются социологические опросы – церковники или члены правящей партии лучше знают настроения народа, и государство становится легитимным навсегда.

Именно эта политическая конструкция лежала в основе итальянского фашизма или немецкого национал-социализма, являющих собой пример тоталитарных форм демократии. Интересы буржуазии, с которой обычно связывают фашизм, здесь вовсе ни при чём, это форма именно «народного правления». Она очень сильно напоминает «советскую демократию», где Советы народных депутатов служили лишь декоративным украшением при комитетах КПСС. Эти политические устройства признавались гражданами соответствующих государств и легальными, и легитимными, что до сих пор делает невозможным, по большому счёту, осуждение «культы личности» в России. Массовые репрессии в отношении социальных групп или личностей, объявленных «врагами народа», осуществлялись по советским законам (легально) и с полного одобрения широких народных масс (легитимно). Одно дело – списывать это на злодея Сталина и «красных демонов», очевидно, заброшенных в богоизбранное отечество германской разведкой, а другое – осудить собственного деда (прадеда), который воевал в гражданскую, потом в Отечественную, и так или иначе голосовал за Советскую власть.

Тоталитаризм обычно отождествляют с национализмом. Это вполне естественно, так как если демократия – власть народа, то – какого народа? Критериев описания здесь может быть много – от формы черепа до вероисповедания, от сексуальной ориентации до чтения исключительно «правильных народных» книжек. Нельзя же относить к народу гомосексуалистов, обрезанных/необрезанных (нужное – подчеркнуть), читателей книжек В. Сорокина или посетителей/устроителей выставки «Запретное искусство».

Как указывает Ф. Закария, тоталитарная демократия отличается от либеральной тем, что в ней не защищены права меньшинств¹. Можно самым демократическим путём – через референдумы – добиться введения смертной казни и черты оседлости для инородцев, конфискации имущества семей олигархов, чиновников и депутатов Госдумы всех созывов... Поскольку общество состоит из меньшинств, то ни одно из них не будет в безопасности. В конце концов, через референдум можно провести и решение о запрете на занятие политической деятельностью для бывших работников КГБ (ФСБ).

¹ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.

Эти обстоятельства, по-видимому, пока ещё останавливают российский политический класс. Эволюция современной «суверенной, управляемой демократии» к ликвидации парламентаризма и установлению форм прямого тоталитарного контроля вызовет такие последствия, что мало никому не покажется. Хотя обыватель, судя по опросам, похоже «уже готов» и даже жаждет «тоталитарной модернизации», в ходе которой, очевидно, сначала должны полететь головы у наиболее ненавистных социальных групп – «чиновников» и «депутатов». Поэтому так популярны разговоры о «консервативной модернизации», в ходе которой эволюционным путём, без радикальных изменений сегодняшней политической структуры Россия чудесным образом изменит свою экономику, перейдя к «инновационному пути развития», сформирует новую социальную структуру, в которой будет доминировать средний класс, и перейдёт к новому порядку судопроизводства, в котором суды станут независимы, а граждане – равны перед законом.

Модернизация как номер технологического уклада. В своё время один партийный литератор выдвинул краткое определение новой общественно-экономической формации: «социализм – это Советская власть плюс электрификация всей страны». При сколь-нибудь тщательном анализе эта формула потрясает цинизмом и демагогией: оказывается, обыватель должен был поверить в то, что новое общество будет основано на власти коммунистов – т.е. монополии одной, несменяемой политической партии – плюс некое передовое на тот момент техническое достижение. Прошло девяносто лет, и будущей экономической элите России очередной партийный деятель не из последних объясняет, что главным в модернизации страны является переход к шестому технологическому укладу, «сердцевиной которого являются нанотехнологии»¹.

Концепция технологических укладов, выдвинутая двадцать лет назад С. Глазьевым², имеет весьма примечательные особенности. Во-первых, из-за особенностей методологии исследования, основанной на представлении о том, что техника является самостоятельным актором, предопределяющим развитие, в этой концепции отсутствует сама возможность анализа социальной структуры, интересов социальных групп и их связей с процессом экономического роста. Последний здесь только функция от технологических инноваций. Во-вторых, она соблазнительно проста: зная ключевые технологии «очередного уклада», государство обеспечивает их финансирование и внедрение – и этого достаточно, чтобы обеспечить

¹ <http://www.polit.ru/dossie/2010/07/08/chubais.html>

² Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993.

«технологический рывок» и «догоняющее развитие». Отсюда можно записать новую формулу российской модернизации, предлагаемую обществу представителями господствующего класса: «Моя власть плюс нанотехнологии».

Когда власть знает, что делать, велик соблазн тоталитарной модернизации. Она дополняется меркантилистской экономической политикой, основывающейся на том, что:

1. Выделяются приоритетные сектора экономики, в которые направляются государственные средства, создаются отечественные мануфактуры, или, говоря современным языком, государственные корпорации.
2. В эти сектора призывают иностранных специалистов, создают льготные условия для функционирования иностранного капитала. Особый упор делается на необходимость достижения «мировой конкурентоспособности», для чего поощряется экспорт «передовой продукции».
3. За счёт иностранных инвестиций, новых технологий и дешёвых местных ресурсов достигается быстрый экономический рост, который провозглашается успехом модернизации.

Всё это и в отечественной, и в зарубежной истории было не раз. Нынешние организационные мероприятия российской власти пока вполне укладываются в рамки этого сценария. Однако также хорошо известны и последствия меркантилизма, на которые неоднократно указывали его критики:

- (a) Форсированное строительство государственных предприятий приводит к дефициту бюджета. Обычных национальных сбережений не хватает, и власти вынуждены прибегать либо к иностранным заимствованиям, что приводит к чрезмерному росту внешней задолженности (страны Латинской Америки), либо к ограблению собственного населения (СССР). Результат в обоих вариантах примерно один и тот же – возрастает сопротивление граждан, власти отвечают репрессиями.
- (b) Создание иностранных предприятий на льготных условиях противоречит принципам одинаковых условий для всех субъектов рынка. Отечественные предприниматели отвечают на это выводом капитала. Те же самые российские инвестиции, пройдя «стирку» на Кипре и в других офшорах, появляются в экономике уже как иностранные. Всё это способствует развитию коррупционных схем и существенно подрывает реальную эффективность функционирования таких иностранных или совместных предприятий.

- (с) Меркантилистский рост сопровождается увеличивающимися диспропорциями и легко может сорваться в депрессию. Ускоренное развитие космических и ядерных технологий в СССР сопровождалось сохранением огромной сферы тяжёлого ручного труда в строительстве, лесном и сельском хозяйстве, отставанием в развитии транспорта, сфер торговли и общественного обслуживания. Эти диспропорции и в капиталистической России, к сожалению, ещё до сих пор не выправлены, что очень ярко проявляется и в огромном, в 5-6 раз отставании производительности труда в строительстве, и в средней скорости перевозок грузов железнодорожным транспортом, сравнимой со скоростью транспорта гужевого¹.

Последствия такой «модернизации» всегда противоречивы в экономике и однозначно отрицательно выглядят в социальном отношении. Поклонники сильной руки, отрицающие сталинский опыт, периодически призывают российского Пиночета. Однако по мнению некоторых исследователей, Чили добилась бы куда больших успехов и вышла на ту же траекторию экономического роста без этого военного диктатора². Ещё более обоснованным выглядит это мнение применительно к России без Сталина, впервые высказанное А. Ноувом ещё в 60-е годы прошлого века.

Но если электрификация всей страны могла бы произойти и без Советской власти, то как быть с нанотехнологиями? Кто блокирует российские инновации? И можно ли с помощью «потешного полка» в Сколково отреформировать российскую науку и образование?

Понятие политического пата. Мне уже доводилось писать о том, что любая инновация предполагает перераспределение власти³. Предположим, что проект в Сколково реализовался в полной мере, и в России появилась некая территория с огромным федеральным финансированием, особым режимом управления, льготами, иностранными и зарубежными компаниями и т.д. Что дальше? Будет ли это распространено на территории компактного проживания учёного поголовья, называемые наукоградами? Получат ли льготы предприятия, создаваемые российскими вузами? И если предприятия разрешено создавать вузам, то будет ли это по-

¹ Именно это обстоятельство обеспечивает такой рост автомобильных перевозок, которые существенно дороже в расчёте на единицу груза. Красочным примером такой «модернизации» является пуск «Сапсанов», который привёл к параличу движения пригородных поездов. Неблагодарное население встречает скоростные поезда булыжниками.

² Дерлугьян Г. А был ли нужен Пиночет? //Эксперт, №1 (687), с. 78-83.

³ Ореховский П. Власть и инновации //Общество и экономика, № 9, 2009. См. также <http://www.polit.ru/economy/2009/10/02/innov.html>

зволено бывшим отраслевым НИИ, ныне федеральным ГНЦ, а также НИИ, входящим в системы РАН, РАСХН, РАМН? Какое имущество можно передавать в уставные фонды таких фирм – только интеллектуальную собственность, или часть основных и оборотных средств? Если приветствуются совместные с иностранцами инновационные предприятия, то что ждёт их основателей – государственные премии или судьба физика В. Данилова, объявленного китайским шпионом? Наконец, что будут делать с вузами, которые не являются ни федеральными, ни инновационными университетами?

И внутри вузов, и внутри НИИ существует ощущение, что «так дальше нельзя». Однако интересы социальных групп внутри образовательной и научной корпорации настолько различаются, что договориться о совместных действиях не получается. В результате единственным консенсусным мнением является: «дайте побольше денег, и оставьте нас в покое». Отсюда и определение Сколкова как «потешного полка» – успешная реализация или полный провал данного проекта не решает ни один вопрос в сфере организации отечественных НИОКР.

Прежде чем перейти собственно к анализу позиций элит, стоит коротко рассмотреть ещё один случай, который в своё время почему-то так и не попал в СМИ. Поэтому оговоримся, что речь в нём идёт вовсе не о России, а о некотором «модельном государстве с суверенной демократией». В одном из его регионов был избран губернатором эстрадный клоун, любимый народом и поддержанный президентом. Новоиспечённый губернатор назначил своего племянника руководителем полугосударственной компании, которая отвечала за поставку угля в муниципалитеты: уголь в этой фантастической стране являлся основным энергоресурсом. Племянник стал вымогать откаты за завоз угля с глав муниципалитетов, они собрались и написали президенту, рассказав, что с ними делают. Удалось собрать подписи большинства глав районов и городов. Президент дело уладил, но губернатора не снял, хотя последнему выразил недоверие даже терпеливый региональный законодательный орган. Зато первое лицо государства сохранило симпатии всех столичных коллег клоуна, а чуть позже при всенародной поддержке объявило войну с коррупцией.

Если не акцентировать внимание на лицемерии главы этой суверенной демократии, то встаёт ряд неприятных вопросов. Снятие популярного артиста с должности привело бы к открытому и острому политическому противостоянию – столичные коллеги по цеху эстрады наряду с частью либеральной прессы очевидно использовали бы данный повод для дискредитации президента. Защищаясь, он вынужден был бы предать огласке случившееся. Далее логика конфликта неминуемо привела бы к повсеме-

стной проверке снабжения топлива в провинциях, а заодно и к аудиту тарифов, которые загадочным образом в этом модельном государстве кратко различались в местностях с одинаковым климатом, но находящихся в разных регионах. И – что делать? Снять отдельного наместника кажется делом несложным. А когда их десять? А если – больше половины от всех наместников? Не приведёт ли «возмущённая общественность» в действие ответный механизм с перекрытием федеральных трасс в суверенной демократии и инициированием досрочных выборов первых лиц государства?

Вопросы, которые возникают как в первой, так и во второй ситуации, являются примерами *пата элит*. Каждая из сторон способна только на частичное улучшение своей позиции, в то время как радикальный открытый конфликт вследствие непредсказуемости развития событий может привести к полному поражению и, по сути, ликвидации участников такого взаимодействия как социальных акторов.

Долгосрочный пат элит и его последствия. Либеральная демократия представляет собой такое устройство общества, в котором не требуется специальных, особых усилий правительства по «модернизации». Это, само собой, не отменяет принятие каких-то отдельных социальных или технологических программ. Однако в идеальных условиях отсутствия привилегированных групп, права которых защищены законами и неформальными институтами, акторы, которые могли бы заблокировать инновации, наносящие ущерб их положению, отсутствуют; или, точнее, для полной блокировки у них не хватает сил. В результате капитализм представляется системой, постоянно изменяющей и обновляющей свою социальную структуру, хотя и самая либеральная демократия всё равно периодически переживает острые структурные кризисы. Напротив, чем жёстче закреплены исключительные права отдельных меньшинств на способы извлечения дохода, на ресурсы, тем больше у них возможностей для полной остановки инноваций. Такая система, несмотря на частную собственность и демократическую форму управления, оказывается ближе к феодализму с его сословиями, табелями о рангах и чинами, нежели к капитализму. Она достаточно стабильна, так как гарантированное получение ренты создаёт заинтересованность в сохранении сложившегося статус-кво, в то время как любые перемены ведут к неприемлемым рискам. Это вполне гармонично совмещается с общим недовольством чужими привилегиями и демократией в целом.

Основной проблемой «модернизационного развития» является сохранение баланса между либеральными свободами – защитой прав от-

дельных меньшинств – с одновременным недопущением того, чтобы эти права превращались в привилегии, нарушая общее равенство прав. Каждая привилегированная социальная группа и её элита естественным образом полагает свои интересы первичными по отношению к интересам общества. Поэтому нет и не может быть никакого *общего проекта* модернизации, есть только действия отдельных социальных групп, стремящихся увеличить объём своих привилегий для получения дополнительной ренты. Ни одна из элит не может предвидеть долгосрочных последствий своих шагов в постоянно изменяющейся, активной внешней среде.

Степень свободы правительства и президента при таком подходе к анализу представляется весьма ограниченной. Скажем, кажется очевидным, что политика интеграции Чечни в российское политическое и экономическое пространство является неэффективной. И – что? какие есть альтернативы? Получение второго Афганистана на границе теперь уже не с Таджикистаном, но со Ставропольским краем, при дружной поддержке мирового правозащитного сообщества? Оговоримся, что последний вопрос не снимает необходимости и важности сегодняшней деятельности правозащитников в этом регионе.

При этом случай Чечни, при всей своей остроте и важности, является всё же частным случаем. Общая же проблема в том, что само административно-территориальное деление России предполагает легальное неравенство различных территорий, закрепляющее режимы этнократии в национальных республиках. Но примиряясь с этим обстоятельством, федеральная элита вынуждена мириться и с самовольством регионального чиновничества, участвующем как в рейдерстве, так и в предоставлении разного рода преференций «своим людям».

Что же при таком подходе может рассматриваться как содержание «модернизационной политики» федеральной элиты и, напротив, что является консервативным и «антимодернизационным»? Те мероприятия, которые лишают социальные группы легальных привилегий, предоставляющих право на получение ренты – модернизационные и, напротив, законодательное закрепление права на получение доходов, не связанных с трудовыми усилиями – консервативные, антимодернизационные меры. И до сих пор практически вся российская политика во всех её проявлениях является *антимодернизационной*, сохраняющей старые и вводящей всё новые и новые преференции для различных социальных акторов. Обеспечение этих привилегий требует, в свою очередь, всё новых государственных

ных служащих и подвигает очередные социальные группы в погоню за рентой. Это самоподдерживающийся процесс с положительной обратной связью. Из опыта 2008 года, связанного с финансовым кризисом, понятно, что притормозить процесс увеличения «частно-государственного партнёрства» может только общее падение доходов государства. Только последнее может остановить строительство каналов между морями, возведение Эвенкийской ГЭС или демонстративное безумство московского Сити.

Как обычно, всё это уже было в нашей истории. Недаром нынешний период сравнивают с застоем и апеллируют к старым горбачёвским лозунгам «ускорения» и «перестройки». Характерной чертой того времени был такой же долгосрочный пат элит – отраслевые элиты требовали инвестиций для строительства новых заводов, национальные элиты «заботились о культуре», региональные начальники говорили об отсталых регионах (достаточно вспомнить программу подъёма российского Нечернозёмья), аграрники страдали о судьбах неперспективных деревень и обвиняли в их гибели Т. Заславскую, комсомольцы (будущие реформаторы и олигархи) гоняли неформалов (будущих предпринимателей-инноваторов), а шпана и гопники гоняли и тех, и других... Ну, а у ЦК КПСС и советского Кабмина не было важнее дела, чем реформа хозяйственного механизма и Олимпиада-80.
